

асф

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“.

№ 45

1585

XIII

Н. В. Брюлова-Шаскельская.

**Партія Соціалістовъ-Револуціонеровъ
и Національный вопросъ.**

„Самостоятельность націи является естественно необходимой предпосылкой всякой современной классовой борьбы“.

К. Каутскій

Riigiraamatukogu.
№ А.З.0.9.8..
Цѣна 30 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Ц. К. Партіи Соціалістовъ-Револуціонеровъ. Лиговская, 34.
1917.

Порбня опредѣлитъ когда то порядокъ взаимодѣйствія понятія и выражающаго его слова; не только понятія рождаютъ слова, но слова создаютъ новыя понятія, формируютъ психику тѣхъ, кто ихъ признаютъ. Гамлетовскія „слово, слово, слово“ опасны не только тѣмъ, что они заполняютъ пустоту, что они звучатъ тамъ, гдѣ нѣтъ содержанія, и тѣмъ, что они создаютъ новую реальность, противъ которой трудно бороться, разъ что она отчеканилась въ опредѣленномъ сочетаніи буквъ.

Слово создается, свѣжее, молодое, какъ нововѣсная монета, адекватное своему содержанию. Но жизнь движется, и она порождаетъ новые и новые комплексы представлений, расходящіеся лучами въ разныя стороны; и жизнь уходитъ впередъ, а слова остаются тѣ же, и люди спорятъ, борются и умираютъ за нихъ, и каждый вкладываетъ въ нихъ свое содержаніе, свою душу.

Этотъ процессъ мы видимъ и со словами—*нація, національность, націонализмъ*. У однихъ это слово — конечная, недоказываемая аксіома, альфа и омега ихъ жизненной правды, передъ которой должны замолчать всѣ другіе классовые и міровые интересы; для другихъ нація отождествляется съ государствомъ, для третьихъ съ раемъ; одни говорятъ о національной борьбѣ освободительной, другіе освящаютъ ея полицейскій заступникъ.

Пора разобраться въ этомъ, пора установить нѣкоторую общезначительную терминологию.

Существованіе націй и ихъ взаимоотношеніе, въ данный моментъ—фактъ. Тотъ или иной человекъ причисляетъ себя къ опредѣленному коллективу, съ опредѣленными общими задачами, и этотъ коллективъ мы именуемъ *націей*, а тѣ признаки и свойства каждаго отдѣльнаго индивида, на основаніи которыхъ онъ, и другіе причисляютъ его къ той, а не иной націи и которые образуютъ сходные признаки для группы индивидовъ—называемъ *національностью*. Известное опредѣленное отношеніе къ своей національности, отличающаея, какъ руководящей или хотя бы просто играющей роль въ своей

жизни и дѣятельности—есть *націонализмъ*, а изъ него у активныхъ личностей или группъ вытекаетъ и *національная борьба*.

Легко замѣтить, что могутъ существовать разнообразныя комбинаціи этихъ элементовъ. Можно не считать націю крупнымъ факторомъ исторіи, а въ вѣдѣмыхъ случаяхъ придавать значеніе національной борьбѣ, какъ психологическому возбудителю. Можно полагать, что нація—категорія чисто историческая, сыгравшая роль въ исторіи, но блѣднѣющая въ наше время и теряющая всякій смыслъ въ будущемъ. Можно, наоборотъ видѣть ея живучесть и силу, но оцѣнивать ее, какъ факторъ регрессивный и настолько вредный, что всѣ усилія соціального и политическаго реформатора и борца должны быть направлены къ ослабленію ея значенія. Наконецъ, націонализмъ и національная борьба, могутъ, какъ хамелеоны, принимать облики настолько различныя, что логически неостыжима какая бы то ни была связь между ними, между націонализмомъ культурнымъ и государственнымъ, нападающимъ и защищающимъ.

Было время и каждый изъ насъ помнить его и, тѣмъ не менѣе, оно кажется безконечно далекимъ, время 1905 года, когда можно было впервые наблюдать удивительное зрѣлище: поднялись мелкія, неучитываемыя раньше, народности и вступили въ общій революціонный легионъ, какъ сплоченныя когорты, какъ крѣпкое цѣлое. И внесли этимъ въ движеніе новый, непредвидѣнный факторъ. Это пришлось разъ навсегда учесть. За всѣмъ общимъ, что объединяло въ борьбѣ и строительствѣ будущаго, оказался какой-то недѣлимый остатокъ, какой-то неразложимый далѣе элементъ. Почему въ требованіяхъ восьмичасоваго рабочаго дня, соціализаціи земли и учредительнаго собранія, латыши соединялись съ латышами, а евреи съ евреями? Въ общемъ соціалистическомъ дѣлѣ пришлось примѣнить ту формулу, которую раньше прилагали только въ случайныхъ объединеніяхъ различныхъ группъ демократіи съ буржуазіей: „getrennt marschieren, zusammen schlagen“... (врозь выступать, вмѣстѣ бить). И почему же польскимъ или армянскимъ и русскимъ соціалистамъ надо было „getrennt marschieren“?

Объясненія этому явленію давались разныя. Одни считали, что это происходитъ только отъ разницы языковъ, для еврейской массы въ западномъ край или для латышей въ прибалтійскомъ, приходится создавать секцію общей организаціи, которая могла бы вести пропаганду и печатать прокламаціи на понятномъ языкѣ. Нерѣдко противъ національныхъ дѣленій возставалъ центръ партіи, считая недопустимымъ дробленіе; такъ напримѣръ, боролись австрійскіе со-

ціалъ-демократы противъ отдѣленія еврейской группы отъ польской. Такую же борьбу пришлось вынести еврейскому Вунду, чтобы получить отъ Р. С.-Д. Р. П. право на самостоятельное существованіе.

Даже, если бы все дѣло ограничилось однимъ языкомъ, и тогда стоило бы призадуматься; и въ этомъ случаѣ мы приходимъ къ выводу, что языкъ живой продуктъ и въ то же время форма культуры, ея главное орудіе, что языки отнюдь не обнаруживаютъ тенденціи исчезать и растворяться въ нѣсколькихъ крупныхъ, какъ это думалъ Каутскій въ разныхъ своихъ работахъ ¹⁾ и что поэтому, насколько хватаетъ нашего историческаго горизонта, мы предвидимъ сохраненіе и сосуществованіе разноязычныхъ группъ, болѣе того, оживленіе замершихъ, появленіе на сценѣ исторіи тѣхъ, которыя были задавлены и забыты. Языкъ есть фактъ живого органическаго развитія, а не надуманное, сознательное произведеніе, механически сочетающее слово, вродѣ эсперанто, мертвого для литературы и художественнаго творчества орудія дѣловаго обмѣна. Эсперанто выдуманно людьми, регулируется, примѣняется и отмѣняется ими. Измѣнять живой языкъ, заставить говорить или перестать говорить на немъ,—въ власти людей.

Для насъ поэтому важно выяснитъ взаимоотношеніе языка и національности.

Понятія эти во всякомъ случаѣ не совпадаютъ.

Не разъ напоминали въ литературѣ національнаго вопроса о томъ, что англичане и американцы говорятъ на одномъ языкѣ, а составляютъ несомнѣнно двѣ національности, а англичане и валлійцы, испанцы и баски, центральные французы и бретонцы одну, несмотря на коренное расхожденіе языковъ. Но все это не мѣняетъ того положенія, что языкъ есть все-таки одинъ изъ важнѣйшихъ слагаемыхъ, образующихъ національность. Но онъ не единственный, и мы должны исходить изъ того, что національность—понятіе сложное, комбинирующееся часто различно. Поэтому то терпятъ фіаско всѣ теоріи, пытающіяся вывести національность изъ расы, сожительства на одной территоріи, языка и такъ далѣе. Каждая изъ нихъ можетъ быть опровергнута и все-таки этимъ ничего не будетъ достигнуто. Недавно, въ „Народной Мысли“ (1915, № 1) Вадамъ Волговъ пытался по-

---

¹⁾ „Національность нашего времени“. Международныя сношенія приведутъ къ господству одного международного языка, а отдѣльные языки сохранятся для домашняго употребленія, „но и здѣсь займутъ такое положеніе, какъ старая фамиліальная мебель, которую цѣнятъ, не придавая ей практическаго значенія“.

бѣдносно опровергнуть самый фактъ существованія національности, тѣмъ, что опровергаетъ ея опредѣленіе, какъ общность расы, языка, религіи, быта т. е. разныхъ слагаемыхъ въ суммѣ „культуры“. а этимъ опровергаетъ понятіе національности, какъ культуры, а доказавъ несостоятельность и всѣхъ другихъ опредѣленій, уничтожаетъ національности вообще. Между тѣмъ, въ социологіи нельзя дѣйствовать такимъ „арифметическимъ“ методомъ и, если каждая часть сама по себѣ не выражаетъ истинны, то комбинаціи ихъ или все цѣлое могутъ привести насъ къ ней.

Но мы пойдемъ дальше. Для опредѣленія національности неправильно брать сумму уже созданныхъ продуктовъ культуры.

Мы знаемъ, что всякій застои, всякое политическое болото оправдывается „національнымъ лицомъ“. Въ однихъ явленіяхъ бытъ мы можемъ находить прекрасную поэзію, въ другихъ глубокое и движущее впередъ содержаніе, противъ нѣкоторыхъ наборокъ, боротся; но во всякомъ случаѣ, мы ко всему „быту“ относимся не какъ „почвенники“, а какъ ихъ прямая противоположность, какъ критически мыслящія личности, а уже, конечно, не онъ является рѣшающимъ элементомъ національности.

Національность — не бытіе, а бываніе, живое непрерывное движеніе, творчество человека. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во всякомъ другомъ, мы подходимъ къ ней отъ человека, отъ полной личности, отъ цѣлостнаго недѣлимаго. Только ставъ на почву народнической социологіи, на почву того гуманистически-соціалистическаго, „интегральнаго“ міросозерцанія, которое заложили когда-то Герценъ и Чернышевскій, и развили Лавровъ и Михайловскій, мы можемъ разработать національную теорію, входящую *органической частью* въ общее соціальное построеніе. Мы увидимъ дальше, какъ властная жизнь потребовала отъ западной, особенно австрійской соціально-демократіи внимательнаго отношенія къ національному вопросу. Какъ на брюннскомъ и штутгартскомъ 1907 г. партійтагахъ онъ получилъ, наконецъ, право на существованіе въ партійныхъ программахъ, но, тамъ онъ невольно ощущается, какъ пристѣгнутый, а не вытекающій органически изъ основъ социализма. А между тѣмъ, для насъ важно и нужно только это, потому что социализмъ не есть только экономическая или классовая платформа, а міровоззрѣніе, которое должно охватывать всѣ стороны жизни.

Національность должна быть объяснена и оправдана въ нѣсколькихъ отношеніяхъ — въ отношеніи къ личности, къ классу, къ госу-

дарству и къ человечеству. И первое—связь ея съ личностью, объяснить и дальнѣйшее.

Антагонизмъ личности и общества былъ кореннымъ вопросомъ всей русской общественности и общественной литературы. Либо приходимъ къ полному отрицанію личности, растворяя ее въ коллективѣ, и до этого порою доходили Толстой и Достоевскій, либо утверждали нераздѣльное господство индивидуума, какъ это дѣлали эпигоны Писарева. Но побѣдить антиномію можно только соединивъ, примиривъ оба начала; это согласованіе будетъ эклектическимъ, поскольку онъ просто заставитъ и то и другое взаимно уступать другъ другу, взаимно не развертываться во всю ширь и глубину свою. Но, соединеніе такое, при которомъ оба начала будутъ взаимно другъ друга дополнять, будутъ нуждаться одно въ другомъ, и необходимо вытекать изъ одного міросозерцанія, это *синтетическое* пониманіе дала народническая „*субъективная*“ социологія въ лицѣ, главнымъ образомъ, Н. К. Михайловскаго.

Идея личности была центральнымъ пунктомъ въ его построеніяхъ, какъ и у Лаврова. Во имя человѣка, какъ „цѣлостнаго недѣльнаго“ съ богатымъ и разностороннимъ раздѣленіемъ труда между его отдѣльными органами, онъ борется противъ социальнаго раздѣленія труда; которое обращаетъ общество въ личность, а личность въ односторонній органъ, въ „палецъ отъ ноги“. Изъ интересовъ личности надо исходить при построеніи общества, при выработкѣ общественнаго идеала. Но этотъ индивидуализмъ не имѣетъ ничего общаго съ ложно-индивидуалистическимъ либерализмомъ или столь близкимъ къ нему въ извѣстномъ смыслѣ анархизмомъ; тутъ личность освобождена отъ общества, жизнь предоставлена полной прихоти эгоизма и силы, и въ концѣ концовъ юридическая свобода обращается въ злѣйшее социальное рабство, такъ какъ въ свободной конкуренціи торжествуютъ тѣ, у кого въ рукахъ богатство и его орудіе. Такъ знамя, поднятое во имя ничѣмъ не ограниченной свободы личности—становится знакомъ побѣды одного класса и порабощеніемъ другого, а этотъ другой—есть вся армія труда.

Какой же выходъ?

И тутъ мы подходимъ къ наиболее важному для насъ въ данной связи. Черезъ понятіе *трудъ* Михайловскій побѣдоносно перебрасываетъ мостъ между личностью и обществомъ, сливаетъ ихъ во едино.

„Народъ—трудолюбивые классы общества“,—такова основная формула, вытекающая изъ критическаго народническаго социализма. И если одно теченіе марксизма выдѣляетъ изъ понятія трудового

народа только те классы, которые лишены каких бы то ни было орудий производства и логически принуждается теми самым отнести в буржуазии крестьянство и людей умственного труда, то мы кладем в основу признака *распределения* и говорим о едином трудовом народе, получающем в распределении хозяйственных благ не добавочную стоимость, а только заработную плату о рабочих, крестьянах, ремесленниках, интеллигенции. А победа этих трудящихся классов, есть победа над классовой борьбой вообще; именно потому, что труд есть основной атрибут личности, интерес *сы трудового народа* — все человеческие интересы и дают нам критерий истины и справедливости. Это тождество интересов рабочего с интересом всего народа блестяще выразил еще Лассаль в „Рабочей программе“. Интересы народа — интересы труда. *Труд есть деятельность, активность, „целесообразное напряжение личных сил“, основной атрибут, „в котором ярко и полно выражается личность“.*

Таким образом, мы получаем не абстрактную „личность вообще“, на практике волшебным образом превращающуюся в личность сильного и господствующего, а социалистическое определение трудовой и деятельной личности, и таким же путем убеждаемся в том, что интересы личности, — труда — трудового народа тождественны. Эти интересы осуществляются в „простой кооперации“ в солидарно в сотрудничестве равных в социальном отношении, полных, развитых, разносторонних личностей.

Лично так выражается в активности, в деятельности. „Есть труд черный, не в том смысле черный, в каком обыкновенно употребляется это слово, не труд чернорабочего, а труд нелюбимый, подневольный, чрезмерный, не окупающийся удовлетворенной потребностью...“

Но есть и другой труд, светлый и любимый, и вольный, и связанный безчисленными нитями со всем духовным существом человека и его влечениями и и упованиями“. (Михайловский, VI, 547. „Дневн. Читателя“).

И так, передь нами вытекает построение будущего, того будущего, к которому мы активно стремимся, во имя двуединой Правды — Истины и Справедливости.

Это есть крепкая, солидарная работа, труд целостных, действительных личностей, труд светлый и вольный, — *труд народа*. Высшее проявление труда есть *творчество, создание ценностей, материальных и духовных*. и, с философской точки зрения,

вполнѣ оставаясь на почвѣ историческаго реализма даже экономическаго матеріализма, мы признаемъ матеріальныя цѣнности средствомъ, духовныя — цѣлью; выражаясь марксистскими терминами мы приемъ, что базисъ есть средство для постройки.

Въ борьбѣ настоящаго дня, въ эпоху, полнѣю суровыхъ противрѣчій, требующую часто аскетизма и самоотреченія, мы ерѣдко отречаемся отъ творчества, отъ созданія и накопленія цѣнностей вѣны самой борьбы, борьбы за социальныя, матеріальныя условія народной жизни; но мы сознаемъ, что то, что сейчасъ святая самоцѣль, есть въ конечномъ счетѣ средство къ цѣли, — какъ борьба за 8-ми часовую рабочій день ведетъ къ цѣли — „третьей восьмерки“, восьмерки, дающей возможность рабочему имѣть досугъ для полной человѣческой жизни. Въ концѣ концъ поколѣнія борцовъ живутъ и умираютъ для достиженія тѣхъ условій жизни при которыхъ освободится гармоничная и цѣльная личность и весь народъ для и личности — изнеошущенія — и творчества, „свѣтлаго труда“.

И это творчество, прежде всего, — проецируетъ въ національных формахъ, въ національной средѣ и национальномъ языкѣ. Национальность не есть сумма достигнутыхъ и остановившихся результатовъ, заострившихъ въ бытѣ, не разъ навсегда застывшій национальный характеръ, а та форма своеобразная и характерная, въ которую отливается народное творчество, какъ коллективное, такъ и личное, дѣятельность и активность, непрерывное стремленіе и движеніе впередъ. Эта форма заполняется общимъ всему человечеству, но разнообразно разрабатываемымъ содержаниемъ. Нація — группа людей, объединенныхъ общей исторической судьбой, совокупностью цѣнностей, вмѣстѣ, въ поколѣніяхъ предковъ, созданныхъ и нынѣ вмѣстѣ создаваемыхъ, цѣнностей прошлаго, вылившихся въ культуру и создавшихъ культурную среду, какъ почву для новыхъ возможностей и новаго творчества, творчества политическаго, социальнаго и чисто культурнаго, научнаго, литературнаго, художественнаго¹⁾. Вольной частью

¹⁾ Это опредѣленіе близко къ теоріи Штаммера къ различенію формъ и содержанія въ социальной. Подробный разборъ см. въ ст. Бенъ Адера (Сборн. „Сернь“ № 1). Интересна также статья С. I. Гессена („Идея націи“ въ „Вопр. мір. войны 1915 г.“), гдѣ онъ называетъ націю не „пассивнымъ обладаніемъ“, а „активнымъ устремленіемъ“, „заданіемъ“, „регулятивной идеей“. Отто Бауеръ, одинъ изъ крупныхъ теоретиковъ національнаго вопроса въ австрійской социаль-демократіи, говоритъ о „великомъ фактѣ національной апперцепціи, благодаря которому новая мысль не просто воспринимается а органически включается въ содержаніе всего духовнаго

эта группа продолжает жить вмѣстѣ, связанная общей исторіей и общими задачами, тѣми днями, когда, по выраженію Михайловскаго, „всѣмъ хорошо“ или „всѣмъ плохо“. Связываетъ ее большей частью общій языкъ, нерѣдко и расовая, исконная близость, но ни одинъ изъ этихъ факторовъ не является рѣшающимъ. Еврейскій народъ— поразительный примѣръ національнаго единства при отсутствіи общей территоріи и даже одного языка.

Что творчество народа не можетъ идти внѣ національныхъ языковъ, ясно само собою. Нѣтъ „общечеловѣческаго“ языка, нѣтъ человѣка „вообще“. Отъ этого средневѣковаго философскаго реализма мы давно ушли, и знаемъ, что общія понятія заключаются въ конкретномъ, что „*universalia in re*“. Мы можемъ говорить только о русскомъ, нѣмецкомъ, еврейскомъ, какомъ угодно рабочемъ или крестьянинѣ. Иное дѣло, что національностей вездѣ и всегда перерѣзается *классовыми*, что мы не можемъ говорить о русскомъ, нѣмецкомъ или еврейскомъ человѣкѣ вообще, не взирая на его классовую принадлежность. Михайловскій отчетливо указываетъ на это славянофилу Самарину: „Допустимъ, что вторженіе національнаго элемента какъ въ работу одиночныхъ мыслителей, такъ и въ творчество массъ неизбежно... Но вѣдь не только воздухъ родины осложняетъ мысль человѣка, отвлеченный французскій человѣкъ не существуетъ, а есть французскіе, русскіе, нѣмецкіе дворяне, купцы, крестьяне, рабочіе“ (VI, 439).

Этимъ мы подходимъ ко второму вопросу. Если національность есть форма жизни и развитіе личности, то каковы же взаимоотношенія націи и класса? Есть ли между ними противорѣчіе?

Во всемъ предыдущемъ мы стремились выяснить тѣсную органическую связь между социалистическимъ понизаніемъ *личности*,—

бытія миллионныхъ личностей“. (Нац. вопр. и с.-д., стр. 111). Общность судьбы дѣйствуетъ въ двухъ направленіяхъ; съ одной стороны непосредственно передаются *качества*..., съ другой... *культурныя цѣнности*. Нація связана въ общность характера на почвѣ общности судьбы (стр. 25, 139). Классовая связь основа на *однородности* судьбы, нація—на *общности* (116). Близко опредѣлила, М. Борисова (Ратнера), (въ Сборн. „Серія“ № 1, стр. 21). „Национальность—это форма, въ которую отливается своеобразіе социально-исторической жизни народа. Нація—группа людей, которые въ долгіе періоды совместнаго существованія рѣшали или стремились рѣшать всѣ свои социальныя задачи для себя и иначе, чѣмъ другіе, вслѣдствіе чего у нихъ и выработались своеобразныя формы социальнаго быта— своя національность. (Ср. Сборн. „Возрожденіе“ стр. 6. 32).

труда и творчества—и трудового народа. Изъ этого вытекает и нашъ взглядъ на національное творчество, какъ достояніе трудового народа. Если цѣль социализма исчезновеніе не трудовыхъ классовъ, если такимъ путемъ трудовые классы должны обнять собою понемногу все человечество, то ясно, что и человѣческая культура будетъ развиваться не внѣ трудящихся массъ, а только внутри ихъ и черезъ нихъ. Въ феодальномъ и буржуазномъ обществѣ неравенство распредѣленія обращаетъ національную культуру въ достояніе однихъ господствующихъ классовъ, придаютъ ей классовый характеръ. Цѣль социализма—*обращеніе ея въ достояніе общенародное*. Въ начальную эпоху рабочаго движенія, партіи пролетаріата, обездоленного, лишенаго всего и отброшеннаго отъ культуры къ темному, подневольному труду, нужно было, прежде всего, рѣзко и отчетливо написать на своемъ знамени: „У пролетарія нѣтъ отечества, нѣтъ націи“, такъ какъ все это отнято у него и монополизировано буржуазіей; и наемншккой звучало, если изнывающему за станкомъ, голодному силезскому ткачу говорили о національной культурѣ.

Но если такъ было—то такъ не должно быть. Народъ долженъ стать націей, завоеваніе міра пролетаріемъ есть прежде всего завоеваніе имъ своей націи, приобщенія полностью къ своей культурѣ. Это—великая задача „*третьей восьмерки*“; черезъ социальное-экономическія завоеванія и организація трудящихся, черезъ созданіе короткаго рабочаго дня и досуга, рабочей классъ начинаетъ жить жизнью полныхъ и цѣльныхъ личностей, вкушая и творя цѣнности жизни. „Это-то и составляетъ великую муку рабочаго класса“ говоритъ Отто Бауеръ, „что онъ не можетъ пользоваться драгоценными сокровищами національной духовной культуры, хотя созданію ея онъ способствуетъ до послѣдняго чернорабочаго. Все еще одни только господствующіе классы сплачиваются общей культурой въ національную общность... Но, конечно, теперь ближе, чѣмъ когда либо тотъ день, когда эти массы въ состояніи будутъ... духовную культуру, дѣтище всего народа, сдѣлать достояніемъ всего народа. Тотъ день и будетъ днемъ возникновенія полной культурной общности“ (Цит. книга, 97).

Сказаннымъ объясняется, думается мнѣ, въ достаточной мѣрѣ, почему социалисты, борцы за интересы четвертаго сословія, борятся и за полное раскрытіе націи. Возможность полной національной жизни нужно прежде всего именно трудовому народу; отдѣльныя привилегированныя одиночки могутъ ассимилироваться, уходить въ чужую національную жизнь; масса—никогда. На зарѣ развитія еврейской

интеллигенціи, въ 60-хъ годахъ въ эпоху знаменитой „гасколы“, она пошла путемъ приобщенія къ *русской* культурѣ, незамѣтно для себя подмѣнивъ ея общечеловѣческую, космополитическую; а народныя массы остались нетронутыми и только тогда дрогнули они и началось широкое *народное* пробужденіе, когда еврейская интеллигенція вернулась въ *народъ* черезъ національную школу и родной языкъ. Политика русскаго правительства, душившая національную культуру Украины, Литвы, Латвіи—душила этимъ народную культуру вообще и погружала массы въ тьму и невѣжество, ибо чужая школа и языкъ были бесплодны. Кромѣ того, притѣсненія націи развивали въ ней вражду къ народу, угнетающему націи, нарушали междунаціональное единеніе трудящихся, создавая внутри націи неестественный союзъ пролетаріата и буржуазіи, объединенныхъ общимъ страданіемъ, и затеявая классовую борьбу. Итакъ, между классовой борьбой и борьбой за національныя права цѣль ни противорѣчія, ни компромисса—они связаны и дополняютъ другъ друга.

Таково отношеніе націи къ личности и къ классу.

Какое же отношеніе ея къ *миру*? Вѣдь нерѣдко приходится слышать, что міровая культура должна замѣнить національную, что нація растворится въ общей всечеловѣческой культурѣ съ общимъ для всѣхъ языкомъ. Но наше воображеніе не можетъ охватить такого будущаго, хотя теоретически оно возможно также какъ схождение двухъ параллельныхъ линій въ пространствѣ. Мы видѣли, что въ національныхъ формахъ творить личность и народъ. Но эта форма должна быть зачолнена міровымъ содержаніемъ, великимъ и важнымъ для всего человѣчества и тогда она наиболее цѣнна. Цѣль національная—всечеловѣчность.

Въ этой, твердо доставленной цѣли все—спасеніе отъ шовинизма, отъ той формы національнаго сознанія, которое хочетъ поставить часть на мѣсто цѣлаго, замѣнить одной націей міръ, сдѣлать одну націю господствующей надъ другими. Когда-то, на расцвѣтѣ идей человѣчности, гуманитарности, при торжественномъ провозглашеніи всемірнаго братства—аптитезисъ космополитизма всталъ на мѣсто стараго тезиса національныхъ рамокъ и преградъ, національныхъ войнъ и вражды. Это была великая идея, помогавшая человѣчеству сдѣлать гигантскій шагъ впередъ. Отъ нея мы не можемъ, не должны отказываться и сейчасъ. Въ великой борьбѣ за будущее рушатся заставы, воздвигаемыя воинствующимъ капитализмомъ между народными массами разныхъ національностей, цѣли социализма достигаются лишь въ объединеніи; все шире раздвигаются и культурныя сферы,

и демократизація ихъ переносить изъ одной страны въ другую и думы Толстого, и данныя всему міру строки Ромэна Роллана или Кнута Гамсуна и далекія пѣсни Рабиндраната Тагора. Болѣе чѣмъ когда-либо мы хотимъ и должны чувствовать себя „гражданами міра“—несмотря на кровавый кошмаръ, охватившій нашу міръ, но и болѣе, чѣмъ когда-либо, мы чувствуемъ, что этого недостаточно. Антитезисъ *космополитизма* долженъ уступитъ мѣсто синтезу *интернаціонализма* ¹⁾.

Эти два слова, постоянно смѣшиваемыя, должны быть отчетливо различимы. Космополитизмъ, руша старыя стѣны, не видитъ за ними живыхъ формъ, онъ противопоставляетъ человѣка, какъ атомъ—міру. Въ эту идею марксизмъ внесъ поправку. Между отдѣльной единицей и міромъ стоитъ *классъ* и человечество раздѣляется на двѣ части—объединенныхъ эксплуататоровъ и объединенныхъ эксплуатируемыхъ. Интернаціонализмъ стоя на классовой точкѣ зрѣнія, принимаетъ кромѣ того фактъ естественнаго существованія національностей и говоритъ о томъ, что цѣль его—солидарное объединеніе націй—народовъ, сотрудничество въ мировой культурѣ, возможное *только* черезъ расширеніе и углубленіе своей. Въ этомъ смыслѣ міръ есть тоже предѣльная, регулятивная идея для націи ²⁾. Интернаціонализмъ, по самому смыслу слова, не можетъ не предполагать суммы нѣсколькихъ слагаемыхъ, т. е. именно тѣхъ націи, „inter quos“ происходитъ объединеніе и связь. При этомъ нужно подчеркнуть, что это сочетаніе мирового общечеловѣческаго и національнаго, отнюдь не есть компромиссъ и эклектизмъ. Правильно отмѣчена Кистяковскимъ въ одной статьѣ ³⁾ неправильность взгляда, что „націонализмъ есть общественное теченіе, не допускающее крайностей“, а крайности превращаютъ національность въ ея противоположность. Мы не можемъ принять эту умѣренно-аккуратную точку зрѣнія. Для насъ нуженъ опять-таки органически-объединяющій принципъ. И конечно, мы не скажемъ, что соединеніе идей „міра“ и „націй“ происходитъ тѣмъ путемъ, что ни одна изъ нихъ не проводится слишкомъ далеко. Наоборотъ, мы считаемъ, что чѣмъ глубже и шире развивается національность и ея творчество, тѣмъ больше растетъ мировое духовное богатство. И поэтому принципъ національнаго пути проводится *до конца*; если мы пришли къ сознанію о его необходимости, если

¹⁾ Ср. Бауеръ, цит. кн., предисл. Житловскаго, XIX и § 20.

²⁾ Гессенъ, *locus cotatus*.

³⁾ „Національныя проблемы“ 1915, № 1.

наша національность есть для насъ одно изъ слагаемыхъ суммъ міра, то тѣмъ съ большимъ уваженіемъ мы будемъ относиться ко всякой другой, ко всякой другой слагаемому.

Къ большимъ и малымъ, крупнымъ и мелкимъ, считая цѣнностью и вкладомъ въ наше общее дѣло и Фауста, и Язутскую сказку, и симфонию Скрябина, и прландскую народную мелодію... Ни логически, ни практически немислимъ иной выводъ изъ продуманной и прочувственной идеи національности. Всякій „націонализмъ“, который по-готтентотски заявляетъ: „хорошо, если развивается моя національность, плохо, если развивается чужая“ вытекаетъ не изъ идеи національности, а изъ діаметрально-противоположнаго — идеи подавленія національности. Настоящій социологическій принципъ, какъ и этический, можетъ только строиться на основѣ кантовскаго закона: „поступай такъ, какъ если бы максима, изъ которой вытекаетъ твой поступокъ, должна была черезъ посредство твоей воли стать всеобщимъ закономъ природы“ и вытекающее изъ него „не дѣлай ни для кого ничего такого, чего бы ты не желалъ, чтобы дѣлали по отношенію къ тебѣ“.

И такъ, нѣтъ „ни противорѣчій“, ни возможнаго „компромисса“ и примиренія между національностями, а наоборотъ, онѣ необходимы другъ для друга, чтобы создавать вмѣстѣ — міръ, всечеловѣчскія цѣнности. Такъ мы формулируемъ *интернаціонализмъ*, какъ равноправный союзъ федераціи національностей и увѣрены при этомъ, что посетителямъ этого идеала могутъ быть опять таки лишь трудовыя, народныя массы. Поднимая знамя *развитія своей національности, социалистъ поднимаетъ и знамя интернаціональной солидарности*. И ясно, что онъ борется при этомъ за свое дѣло, за свои лозунги, а отнюдь не входитъ въ единеніе съ буржуазіей за ея дѣло. Могутъ быть моменты въ практической дѣятельности, когда національный гнетъ чувствуетъ и буржуазія, когда въ борьбѣ принимаетъ участіе и она. Тогда происходитъ блокъ, „сотрудничество классовъ“ въ извѣстномъ вопросѣ, какъ оно бываетъ и въ плоскости чисто политической, завоеванія конституціи или личныхъ свободъ. Но конечные идеалы различны и великая цѣль *интернаціонализмъ черезъ національность, осуществляемая всякимъ трудовымъ народомъ* — эта цѣль совпадаетъ только съ социализмомъ.

И, наконецъ, послѣдній вопросъ, стоящій передъ нами: каково-же отношеніе націи къ государству?

Государственный націонализмъ. Національное государство. Націо-

нальная война. Вотъ рядъ понятій, который *выросъ изъ словъ*, изъ сѣишенія двухъ различныхъ мыслей и образовъ въ одномъ словесномъ знакъ.

Нужно бросить взглядъ на процессъ возникновенія и развитія націй и государствъ: первоначальная общность расовая, формируется родовыми группами, развивается далѣе въ различныя ступени государства, сначала патріархально-вотчиннаго, представляющаго расширенный родъ, далѣе сословнаго, наконецъ классоваго. Все это формы общенія, которыя обращены чувствомъ національности, но въ *убывающей прогрессіи*. Расовая чистота уступаетъ мѣсто сложной, воспринявшей самыя разнообразныя элементы крови. Этотъ сѣишанный союзъ расширяется, захватываетъ и завоевываетъ новыя территоріи, населенныя другими союзами, иной расы и соединяетъ ихъ въ одно государство. Вся исторія античнаго міра состоитъ изъ сѣишны такихъ огромныхъ государственныхъ образованій, основанныхъ на правѣ силы. Въ монархіяхъ Ассирійской, Вавилонской, Египетской или Хеттской все поκειται на территоріальномъ захватѣ. Тѣ, кого захватываютъ, защищаются до послѣдней возможности; если потомъ силы переимѣняются, они захватываютъ въ свою очередь. *Nonie mihi, cras tibi.*—Сегодня мнѣ, завтра тебѣ. Есть ли при этомъ, въ этой борьбѣ, національное самосознаніе? Разработка истеріи съ этой точки зрѣнія должна была бы внести важную страницу въ социологію. Несомнѣнно одно, есть чувство защиты земли, и государственныхъ границъ, границъ того кусочка міра, который объединяетъ одной властью и однимъ войскомъ, а наряду съ этимъ желаніе обогатить именно этотъ кусочекъ—или большой кусокъ, маленький Сидонъ или Персидскую монархію, безразлично; желаніе обезпечить блага торговли, добычи, образованія колоній и всякія экономическія благополучія членамъ именно этой группы. Это *чувство государственности, объединенія въ общей гражданственности, civitas*. Порою это чувство степенія за свое, доходить до большого героизма, какъ напримѣръ, въ минуты послѣдней отчаянной борьбы свободныхъ испанцевъ съ Серторіемъ во главѣ противъ римскихъ легионовъ, въ смертныхъ бояхъ Югурты, даже въ кровавой рѣзнѣ, поднятой Митридатомъ во имя освобожденія отъ чужеземнаго ига. Поскольку это чувство питается культурными цѣнностями, созданными вмѣстѣ, и образовавшими ту культурную среду, гдѣ создаются и будутъ создаваемы новыя—мы видимъ на сѣбѣ и *національность*; и тогда, когда на холодныхъ берегахъ Чернаго моря Овидій оплакивалъ свой городъ, и тогда, когда цензоръ Катонъ, защищаетъ

римское преданіе отъ растворенія его въ греческихъ водахъ или Гораций съ негодованіемъ бросаетъ родинѣ упрекъ въ томъ, что чудится въ междуособіяхъ, войнахъ „*latinum sanguen*“ (латинская кровь), на радость варварамъ. Все это проблески сознанія національности, какъ творческаго, культурнаго союза. Но, разумѣется, нѣтъ и не можетъ быть мысли объ интернаціональномъ объединеніи, углубляющихся національностей, какъ мы его ставимъ для нашего времени. Есть, правда, суррогатъ этого послѣдняго—космополитизмъ такихъ эпохъ, какъ эллинизмъ или послѣдній вѣкъ римской имперіи. Сглаживание національныхъ культуръ въ одной безразличной массѣ, кодъ одной властью, эпохи не творческія, а подражательныя, живущія проникновеніемъ мѣстныхъ элементовъ одной центральной, греческой или римской культурой. Правда и римская въ свою очередь, подвергалась мѣстнымъ влияніямъ, но сознательнаго, углубленнаго развитія этихъ послѣднихъ не было, и не могло быть. Мѣнала этому политическая централизація, полное отсутствіе автономіи областей. На этомъ погибъ античный міръ, но не умерла идея—всемогущества государства, захватывающаго и объединяющаго воедино самія разношерстныя племена, расы, языки, скажемъ прямо, разныя національности, идея „государствъ національностей“ (*Nationalitätenstaat*) но съ полнымъ подчиненіемъ *всѣхъ частей цѣлому* или, что гораздо вѣрнѣе, *одной части, которая стала во главѣ цѣлаго*. Вся исторія античности, если и создавала идею защиты своей національности или своего государства, никогда не дошла до идеи уваженія къ *чужой всякой* національности, и ея *объективной* цѣнности. Этого не было и въ маленькихъ городахъ—государствахъ, болѣе или менѣе однородныхъ въ національномъ отношеніи, не составленныхъ изъ многихъ, покоренныхъ племенъ.

Тотъ же процессъ мы наблюдаемъ и въ средніе вѣка. На развалинахъ римской имперіи создаются первоначально племенные „варварскія“ государства, затѣмъ идетъ постоянная перекройка карты Европы, захватъ одними государствами другихъ. Борются двѣ идеи, одна,—объединенія всей Европы подъ властью одного государства „священной римской имперіи“; другая—естественная реакція отдѣльныхъ территорій и племеннымъ образомъ создавшихся на нихъ государствъ противъ этого централистическаго, имперіалистическаго космополитизма и подавленія групповыхъ различій. Около XIV в. тускнѣетъ идея „священнаго универсализма“, остается неприкрытый „хозяйственный“ захватъ, округленіе земель, черезъ династическіе браки, войны, даже покушки и завѣщанія. При этомъ,

разумѣется „народъ безмолвствуетъ“, и полѣтнну ведетъ классовое, аристократическое, позже буржуазное государство.

Несмотря на это, борьба государствъ вызываетъ чувства цивилизма, патриотизма. Эта привязанность къ своему, къ своей землѣ, къ той организованной группѣ, къ которой индивидуумъ принадлежитъ и къ которой принадлежали поколѣнія его предковъ. Но съ національнымъ ощущеніемъ она не однородна. Она часто совпадаетъ съ нимъ, но далеко не всегда; безусловно объединенней является она тамъ, гдѣ государство состоитъ изъ одной національности и въ разныхъ плоскостяхъ протекаетъ тамъ, гдѣ государство образовалось путемъ поглощенія различныхъ націй. Тамъ патриотизмъ и націонализмъ совпадаютъ у одной только націи, той, которая является коренной, завоевавшей и господствующей; у другихъ, присоединенныхъ эти два чувства не только различны, но ненормальное положеніе и угнетенность должна убивать всякую связь съ государствомъ. Особенно рѣзокъ конфликтъ тамъ, гдѣ нація *шире* государства, гдѣ она разбросана между нѣсколькими государствами; ибо нація—явленіе органическое, естественное, государство—искусственное, границы его крѣятся и мѣняются произвольно и трагизмъ такихъ разорванныхъ націй особенно ярко сказался въ нынѣшней войнѣ, гдѣ по враждебнымъ арміямъ были подѣлены евреи, поляки, армяне, украинцы, итальянцы и эльзассцы.

Націи, такъ какъ мы ихъ опредѣляли, очевиднымъ образомъ не могутъ входить въ столкновеніе между собою и развитіе каждой національной культуры только выгодно другой и всѣмъ вмѣстѣ. Но государственные интересы сталкиваются, потому что въ основѣ своей, всякій государственно-правовой союзъ есть группа экономическая, а таковыя должны вступить между собою въ ожесточенную и даже *ipso facto* хищническую борьбу, поскольку онѣ живутъ въ рамкахъ феодальнаго и, еще болѣе, капиталистическаго строя. Соперничество, исканіе рынковъ, захватъ чужихъ земель, империалистическія войны—все это неизбежно въ рамкахъ буржуазнаго государства. Но государство, вступая, такимъ образомъ, въ конфликтъ съ международной солидарностью трудящихся, влуптываетъ въ это противорѣчіе и націю. Для буржуазнаго пониманія нація отождествляется съ государствомъ; идея національности *націи вообще* отсутствуетъ, получается понятіе господствующей націи, государственный націонализмъ, связанный съ империализмомъ; это смѣшеніе принципиально не обосновано и все состоитъ изъ противорѣчій, исходной точкой его является идея націи (незамѣтно прибавляется „главкой“ „государственной“ въ Россіи русской) и во имя ея подавляются другія націи, отрицается международная

связь и солидарность человечества и въ то же время цѣлью является существованіе въ формахъ мірового, колоссальнаго государства. Изъ этого нелогическаго смѣшенія націи и государства получалось ложное представленіе, что націи противорѣчатъ интернаціонализму. Между тѣмъ, націи есть необходимая предпосылка интернаціонала, государство же въ его буржуазной формѣ перѣдко вступаетъ съ идеей интернаціонала въ трагическій конфликтъ.

Такииъ образомъ, патриотизмъ и государство виѣнаціональны, отдѣливъ патриотизмъ отъ націй, мы должны сдѣлать и слѣдующій логическій шагъ—*отдѣлить націю отъ государства.*

Какъ создалось это вѣчное, пагубное послѣдствіями смѣшеніе. Въ основѣ государство сливалось съ національностью, такъ какъ оно первоначально сливалось съ расой. Достаточно вернуться къ нашимъ историческимъ примѣрамъ и указать на Персію до побѣды надъ Мидіей, на царство Израильское, на Македонію до Херонейской побѣды надъ Греціей, на королевство готское, франкское, на начало Арабскаго Халифата или княжество Московское. Первое завсѣваніе—и равновѣсіе нарушено. Но господствующая нація, созидая единое государство изъ себя и другой, переноситъ на него и свой національный характеръ, свое національное названіе, въ каждомъ разросшемся, много-національномъ государствѣ, всегда обозначается одна нація, большая и главная, и *pars pro toto*—ей именемъ называется все государство, свой языкъ и свою школу она пытается навязать всему государству. Между тѣмъ, съ той минуты какъ государство перестало быть едионаціональнымъ, самое понятіе: „*русское государство*“, „*война за русскую государственную идею*“, „*война за русскіе интересы на востокъ*“ и т. п.—есть складываніе пудовъ съ аршинами. Эта—своеобразная арпюжетика, гдѣ сумма является равной одному слагаемому. Подъ словомъ „Россія“ подразумѣвается нація, тотъ коллективъ который создалъ великія культурныя цѣнности, и ту среду, которая живетъ для дальнѣйшаго творчества. Но этимъ же словомъ обозначается огромное государство, раскинувшееся отъ Вислы до Владивостока, „отъ Финскихъ хладныхъ скаль до Пламенной Колхиды“, обнимающее національности русскую, финскую, армянскую, еврейскую, и рядъ другихъ. Что же общаго между этими понятіями и не пора ли намъ выработать, наконецъ, хоть настолько языкъ, чтобы не сдѣлать въ словѣ „Россія“ типичную ошибку, указанную въ каждомъ маленькомъ курсѣ логики, „*quaternio terminorum*“ и которая состоитъ въ томъ, что то же слово берется въ послѣдкахъ въ

одномъ смыслѣ, а въ выводѣ въ другомъ. Въ общезначеніи это называется каламбуръ¹⁾.

Есть вещи, простыя, какъ яйцо Колумба, но нужны вѣка, море крови и слезъ, чтобы дойти до нихъ пониманія. Въ эпоху французской революціи всѣ споры о равноправіи евреевъ вертѣлись вокругъ вопроса о томъ, составляютъ ли они „націю въ націи“ и защитники ихъ, горячо борясь за принципъ религіознаго равноправія, доказывали, что евреи не нація, что они только религіозная группа, что они по національности только французы и *поэтому* заслуживаютъ равноправія. Эти же мотивы приводили и сами еврейскіе публицисты; они готовы были ради равноправія отказаться отъ общинной автономіи, отъ языка; смѣшеніе націи съ религіей было въ ходу; уже тогда зародились французы, нѣмцы, поляки „Менсеева вѣроисповѣданія“. Безправіе мотивировалось національною обособленностью, нетерпимой въ единомъ государствѣ. Свобода могла быть куплена только цѣпой ассимиляціи и „исправленія“ и общаго просвѣщенія. И на этомъ сходились и просвѣщенный абсолютистъ Іосифъ II австрійскій и дѣятели 1793 года, *république une et indivisible*. и русскій якобинецъ Пестель. Клермонъ-Тоннеръ въ національномъ собраніи 23 декабря 1789 г. заявляетъ: „евреямъ, какъ людямъ, слѣдуетъ все предоставить; какъ націи—во всемъ отказывать“. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ Вестфаліи, при королѣ Жеромѣ, данъ лозунгъ „евреи должны перестать быть корпораціей, они должны раствориться въ главной націи“. Въ Германіи, во Франціи, въ теченіе всей первой половинны XIX в. и даже позже, такіе пламенные борцы за еврейское равноправіе, какъ Габріэль Риссеръ или Кремье, не признавали еврейство націей, именно потому, что *оно не составляетъ государства*, и только одинокіе голоса историковъ Греца, Гесса раздавались и звали народъ къ національному существованію²⁾.

Мы останавливались на еврействѣ потому, что оно особо показательно. Это своего рода опытъ, опытъ, при которомъ изолированы другіе, усложняющіе элементы и который показываетъ націю въ чистомъ видѣ, внѣ государства и на ея примѣрѣ видно, какъ

¹⁾ На это „Каламбурное“ употребленіе слова Россія и необходимости созданія двухъ терминовъ указалъ когда-то П. А. Годуновъ-Куртень въ брошюрѣ „Національный и Территориальный признаки въ автономіи“.

²⁾ Ср. Дубновъ Новѣйшая исторія еврейск. особ. стр. 15, 19 и Дубновъ Письма о старомъ и новомъ еврействѣ.

не укладываются въ головѣ людей, людей, какъ Пестель, Риссеръ, Мендельсонъ, Фридендеръ,—мысль, простая до очевидности, что нація не государство, что государство сверхнаціонально, а нація должна быть отдѣлена отъ него. Когда-то героическая борьба за право вѣрять кончилась государственнымъ принципомъ вестфальскаго мира 1848 г. „*cujus regio, ejus religio*“: подданные обязаны слѣдовать религій признанной государствомъ, государемъ; нѣтъ признаніе религій субъективнымъ правомъ личности, отдѣленіе церкви отъ государства и признаніе ея добровольнымъ, публично правовымъ союзомъ—аксіома для прогрессивной мысли. Очередь за націей, за освобожденіемъ націи путемъ *отдѣленія ея отъ государства*.

И выходъ не въ созданіи „національныхъ государствъ“ на мѣсто „мировыхъ“, имперіалистическихъ, стремящихся къ господству.

Раздробить всякое современное государство на націи, образовать изъ нихъ независимыя государства, утепія не только не осуществленная, но и вредная. Экономическая жизнь идетъ къ раздвиганію рамокъ, къ уничтоженію таможенныхъ заставъ, къ развитію мирового хозяйства, а отиудъ не къ дробленію на республики Санъ-Марино. И если впереди намъ грезятся соединенные штаты Европы и міра, то путь къ нимъ идетъ черезъ соединенные штаты Россіи, или Австріи. Всякое дробленіе (въ одной Россіи больше 50 націй) будетъ всегда *дѣленіемъ съ остаткомъ*, остаткомъ національнаго меньшинства, очутившагося за бортомъ автономіи даннаго куска территории; народъ, какъ еврей, вездѣ, и въ Литвѣ, и въ Польшѣ и въ Украинѣ, находящейся въ положеніи меньшинства, будетъ окончателно лишень автономіи. Поэтому территориальная автономія, дѣленіе на самыя даже дробныя области, не разрѣшаетъ вопроса націи, такъ какъ мы его ставили, когда говорили о томъ, что *развитіе каждой самой маленькой націи, прямо пропорціонально развитію мировой культуры*, когда требовали безусловнаго равноправія *каждой* націи. Соціалістъ можетъ только стать на точку зрѣнія, защищаемую такими писателями, какъ Шпрингеръ, (Ренперъ), Отто Бауеръ, въ австрійской соціалистической школѣ Х. Митловскій и М. В. Ратнеръ въ еврейской и русской¹⁾.

---

¹⁾ Rud. Springer. Der Kampf der österreichischen Nationen; русск. переводъ подъ ред. и съ предислов. М. В. Ратнера въ изд. Общ. Польза. Его же. подъ псевд. *Synoptikus* „Staat und Nation.“, русск. пер. въ изд. „Искры“ 1906. Сборн. „Возрожденіе“ и „Серпъ“ 1—2. 1905 и 1906. Otto Bauer „Nationalfrage und Sozialdemokratie“, русск. пер. подъ ред. Х. Митловскаго. М. В. Ратнеръ, ст. въ „Русскомъ“

Она единственная, выдвигающая націю, какъ слагаемое въ интернаціонализмъ, и, болѣе того, какъ личное, активное „персональное“ право каждой личности. Національность—аттрибутъ творящей, дѣйственной личности; такова была наша исходная точка зрѣнія; національность, по выраженію Бауера, „форма моей собственной индивидуальности“. (Цит. соч. 148). „Nation ist das, was Nation sein will“ (Нація то, что хочетъ быть націей); она *добровольный*—этими мы добавляемъ и окончательно развиваемъ нашу формулу—*союзъ людей, чувствующихъ себя объединенными другъ съ другомъ цѣлностями, созданными на фонѣ общей жизни, общей судьбы и общими возможностями къ дальнѣйшему творчеству*. Изъ этого вытекаетъ и устройство государства.

Широкая децентрализація предполагаетъ *областные* учрежденія и не только административное самоуправленіе, но широкую законодательную автономию этихъ областей. Последовательное и полное проведеніе автономіи приводитъ къ устройству государства на началахъ *федерации*, причѣмъ на долю центрального, общегосударственного управленія и законодательства остаются лишь наиболѣе общія, основныя явленія (международныя сношенія, война и миръ, кѣчта и валюта, общіе пути сообщенія, общія экономическія начала землепользованія и отношенія между трудомъ и капиталомъ и т. п.). Чѣмъ болѣе едина въ этнографическомъ отношеніи будетъ область, тѣмъ лучше; въ этомъ смыслѣ можно говорить о *національно-территориальной автономіи* такихъ областей, какъ Литва, Украина, Вѣлоруссія, Латвія, Эстляндія, три области Закавказья—армянская, грузинская и татарская. Но вполнѣ разрѣшить національный вопросъ это не можетъ. Всякое выкраиваніе областей всегда будетъ „дѣленіемъ съ остаткомъ“; въ каждой изъ нихъ будутъ *національныя меньшинства*, и у каждой, имѣющей такую областную автономию націи, за бортомъ останутся ея собственныя меньшинства, разбѣянные на чужихъ территорияхъ. Поэтому изъ принципа *персональности* націи, разобраннаго нами, вытекаетъ и принципъ *экстерриториальной, персональной* автономіи. Всякій сознательно самоопредѣляется, причисляя себя къ той или иной націи, и всѣ члены націи, гдѣ бы они не жили, образуютъ *національ-*

Богацствъ“, 1908. 2, 4, 5. Его же, „Дебаты на Брюннскомъ партейтагѣ“. Протоколы конференціи нац.-соціал. партій. 1907. *Пр. Бюдуэль-де-Куртскэ*, „Націон. и террит. признакъ въ автономіи“. *Кастельянский*. Чормы націон. движенія, ст. Медема и др. сборн. „Къ еврейск. вопросу въ Польшѣ“, подъ ред. Полянскаго. Москва, 1915, 123, 143.

ной союз. Этот союз, не связанный съ территоріей, имѣть мѣстными ячейки, областныя объединенія и центральный, связывающій все эти разбросанныя ячейки — представительный органъ, избираемый всѣмъ составомъ націи — *сеймъ*. Все компетенціи подлежатъ всѣмъ чисто національнымъ дѣламъ; сюда входятъ прежде всего, все область культуры (школьное дѣло, научныя, литературныя, художественныя общества, музеи, академія), профессиональное воспитаніе и обученіе, все социальное приращеніе; но также рядъ экономическихъ, национально-ограниченныхъ явленій; напр. у евреевъ эмиграція, колонизаціонный вопросъ, устроеніе мелкаго ремесла и т. д. Въ общемъ же и дѣломъ чисто экономическіе вопросы подлежатъ рѣшенію областныхъ учреждений. Экстерриториальная автономія въ первую голову необходима такимъ разбѣяннымъ націямъ, какъ еврейство; но такъ какъ нѣтъ ни одной вполне компактной и не перерѣзанной другими націями, т. е. надо думать, поемногу всегдѣ установится двойная сѣть учреждений — *областные сеймы*, мало окрашенные національно, объединяющіе всѣхъ жителей данной территоріи въ ихъ общіе интересы и *національные сеймы*, объединяющіе разбѣянныхъ членовъ одной націи, внутри государства; а послѣднее — путь къ объединенію членовъ націи и вѣдъ предѣловъ государства, на всемъ пространствахъ міра.

Нація, организованная, такимъ образомъ, должна быть признана юридическимъ лицомъ, имѣть право принудительнаго обложенія своихъ членовъ, плата соответственно меньше налоговъ въ общегосударственную и областную казну, такъ какъ изъ послѣдней будутъ, такимъ образомъ, изъять всѣ расходы на образованіе и т. п.

Тамъ, гдѣ экстерриториальная автономія не будетъ проведена, необходима, по крайней мѣрѣ, полная гарантія правъ меньшинства, пропорціональное числу членовъ каждой націи, распределеніе бюджета области и равноправіе всѣхъ мѣстныхъ языковъ въ мѣстномъ самоуправленіи и судѣ.

Такимъ образомъ, въ корни должно уничтожиться понятіе „господствующей“ націи и во всемъ государствѣ и въ каждой области (ибо въ Польшѣ — польская, въ Украинѣ — украинская нація первѣе обнаруживаютъ тоже тенденціи къ маленькому великодержавію).

Націи должны входить въ государство, въ „федерацію націй“ на основѣ полного равноправія и соподчиненія государству, и русская нація въ російскомъ государствѣ въ принципѣ должна имѣть не большія права и ту же организованность, какъ и нація украинская или литовская.

Такова единственная точка зрѣнія, вытекающая изъ социализма, изъ интернаціонализма. И рано или поздно социализмъ долженъ былъ на нее встать.

Въ XIX вѣкѣ развитіе пошло діалектическимъ путемъ—отъ тезиса государства мірового, образованнаго захватами и подавленіями разныхъ національностей—отъ эпохи Якобинизма, Бонапарта и Священнаго Союза (столь различныхъ и столь близкихъ въ этомъ именно вопросѣ!) къ антитезису; національная борьба XIX в., возстаніе въ Бельгій, Скандинавіи послѣ универсальной политики Наполеона, венгерская революція, итальянскій и польскій ирредентизмы; при этомъ аксіомой казалось то, что національное самоопредѣленіе есть государственная самостоятельность, что нація должна стремиться образовать государство. Далѣе пробуждаются мелкія, негосударственные національности, *unhistorische Nationen*, пробуждаются въ культурному, творческому существованію и требуютъ самоопредѣленія и автономіи. Характеренъ, на примѣръ, ростъ движенія украинскаго; это большой шагъ впередъ по сравненію со старой постановкой вопроса: „Польша или Россія“; украинскій народъ заявляетъ, неожиданно для своихъ, что онъ ни то, ни другое, что онъ пойдетъ своей дорогой „*faga da se*“. Къ нему отрицательно относится даже Вѣленскій, скептически лежитъ Чернышевскій. Его понималъ одинъ Герценъ ¹⁾). Но украинцами, борющимися за признаніе ихъ націей, въ голову не приходило, что рядомъ съ ними въ Польшѣ и Украинѣ есть еще націи, имѣющія такое же право на это признаніе, и прежде всего—еврейская. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше выступаютъ на сцену маленькіе народы—литовцы, латыши; въ среду евреевъ ассимиляторскую, съ ея идеаломъ *общаго* просвѣщенія, на практикѣ превращающагося въ *русское* просвѣщеніе, въ „гасколу“ начинаетъ проникать сознаніе подъема народной, массовой культуры и своего языка. Идея *равноправія*, купленная для отдѣльныхъ личностей или для всей массы отказемъ отъ своей національности и сліяніемъ съ господствующей, замѣняется понемногу идеей *полноправія* и полной національной жизни.

Социализмъ, въ лицѣ его господствующаго теченія, нѣмецкой социаль-демократіи, долго боялся національнаго вопроса, какъ худшей ереси. Коммунистическій манифестъ ни однимъ словомъ не касается національнаго вопроса, какъ такового, и ясно выводитъ весь процессъ

¹⁾ Ср. Драгомановъ „Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и польскій вопросъ“ и Вьдринъ „Націон. вопросъ въ русскомъ обществ. движ.“ („Голосъ Минувшаго 1915, 1—2).

соціальної жизни только изъ одного фактора, изъ борьбы классовъ. Мы уже разбирали этотъ вопросъ и указывали на то, что для тогдашняго времени и положенія рабочаго класса оно не могло и не должно было быть иначе. Но съ ходомъ исторіи XIX в. національности все безудержно растутъ и требуютъ для себя правъ подь солнцемъ; а въ ненормальныхъ условіяхъ ихъ развитія, при сдавленности ихъ, при непризнаніи ихъ со стороны всемогущаго государства, между ними, задыхающимися, растетъ и обостряется національная борьба. Понемногу въ среду социаль-демократіи начинаетъ проникать сознаніе, что нація есть фактъ, что съ ней нельзя не считаться, и нужно найти какое-то *свое* рѣшеніе вопроса, что такое нація и каковы ея задачи, не буржуазное и не компромиссное, *а строго вытекающее изъ сущности социализма.*

Уже въ Евангеліи нѣмецкой соціально-демократіи, въ Эрфуртской программѣ 1891 г., комментированной К. Каутскимъ¹⁾, говорится: „тенденціи капиталистическаго производства оказываютъ всюду свое дѣйствіе, онѣ международны, но *формы, въ которыя онѣ выливаются* и которыми онѣ воздействуютъ на жизнь народовъ, *весьма различны...*“; о мѣрѣ того, какъ развивается социаль-демократія и приобретаетъ все больше вліяніе на жизнь... социаль-демократы должны все болѣе и *болѣе считаться съ національными особенностями* не только въ области дѣянія, но и въ области мысли и все болѣе принуждены создать для каждой національности свою народную литературу.

Характерно, что это говоритъ тотъ самый Каутскій, который въ болѣе раннихъ своихъ произведеніяхъ ни ль объ исчезновеніи національныхъ языковъ.

Но настоящій пересмотръ вопроса начался въ средѣ социаль-демократіи австрійской, и это понятно, такъ какъ Австрія, какъ и Россія, является типичнымъ государствомъ многихъ національностей съ обостренной національной враждой. Знаменитый § 19 австрійской конституціи, гласящій: „всѣ народности государства равноправны и каждая имѣетъ неприкосновенное право на охраненіе и развитіе своей національности и своего языка“—является чисто декларативной, словесной формулой, въ которую не вложено никакого конкретнаго, юридическаго содержанія, никакихъ точныхъ нормъ, опредѣляющихъ, какимъ реальнымъ способомъ нація можетъ осуществлять эти права.

---

¹⁾ К. Kautsky „Das Erfurter Programm“; русскій пер. въ изд. Мягкова „Колоколь“, Москва, 1905 г., стр. XVI.

Поэтому § 19 ничуть не ослабляет борьбы между націями и не размежевывает их между собою.

На Брюннскомъ партейтагѣ 1899 г. былъ впервые поднятъ національный вопросъ. Многіе ораторы отнеслись къ этому съ недоумѣніемъ и отрицали самую возможность такой „буржуазной“ проблемы для социалиста, для котораго имѣеть значеніе только чисто-классовая борьба пролетаріата. Но противъ нихъ опредѣленно высказались лучшія силы партіи, Викторъ Адлеръ, Пернерсторферъ, Дашинскій. „Я позволю себѣ указать“, говорилъ Пернерсторферъ, „что мы именуемъ социаль-демократической партіей, и что мы должны были бы вычеркнуть изъ своей программы слово „демократической“, если бы не поддерживали тѣхъ требованій демократіи, которыя утверждаютъ право каждаго народа на національное существованіе“. Тѣмъ не менѣе, на Брюннскомъ партейтагѣ принципиальная, идеологическая сторона національнаго вопроса еще освѣщена мало. Аргументація докладчика Зеллигера чисто утилитарная: надо найти разрѣшеніе вопроса, такъ какъ нынѣшнее положеніе націй и ихъ тренія мѣшаютъ классовой борьбѣ. Въ результатъ были предложены двѣ резолюціи: одна, докладчика и соединенной исполнительной комиссіи о переустройствѣ Австріи какъ National-Bundes Staat (государство націй) на основѣ *территориальной* автономіи областей. Южно-славянская же социаль-демократія внесла предложеніе о полномъ отдѣленіи націй отъ территоріи, объ образованіи изъ всѣхъ націй Австріи *анти-территориальныхъ* союзовъ, составляющихъ вмѣстѣ союзное государство. Области же должны, по мнѣнію авторовъ резолюціи, имѣть чисто административное значеніе. Послѣ долгой борьбы мнѣній была принята резолюція, въ основѣ которой лежитъ автономія *территориальная*, но чувствуется вліяніе и второй резолюціи („Самоуправляющіяся области одной и той же націи образуютъ *одинъ національный союзъ*“).

Не менѣе интересными были дебаты по національному вопросу на Штутгартскомъ международномъ социалистическомъ конгрессѣ 1907 г. Здѣсь въ защиту принципа націи выступали американецъ Саймонсъ, Ледебуръ, Фольморъ, Вебель, Вандервельде, Моресъ, Вальямъ. Брантингъ—весь цвѣтъ Интернаціонала. Противъ нихъ выступала только нынѣшній яркій социаль-патріотъ и представитель государственнаго націонализма и имперіализма—Эрве.—Явленіе весьма характерное.

„Исчезновеніе націй“ и „образованіе безразличной международной каши“ Фольморъ называетъ утопіей; Вальямъ подчеркиваетъ, что

„націи являются не только полезными, но даже необходимыми элементами человеческого развития“. Бебель характеризует націю, какъ достойное пролетаріата, а не господствующихъ классовъ. Полное резюме по вопросу даетъ докладчикъ Вандервальде: „Предпосылкой для нашего интернаціонализма является существованіе свободныхъ и автономныхъ націй. Рабочій интернаціональ не есть аморфная масса. Онъ... союзъ не только государствъ, но и *націй*. Можно признать существованіе націй необходимымъ и въ то же время никомъ образомъ не ослаблять международной связи рабочихъ“. „Пролетаріатъ не имѣетъ отечества“, потому что его отечество захвачено буржуазіей и эксплуатировается ею исключительно въ свою пользу. Онъ не имѣетъ отечества, это значить: онъ долженъ завоевать его себѣ. Или, какъ Данинскій выразилъ эту мысль въ своей рѣчи на Капштадтскомъ дугу: „бездомному народу завоевать отечество, какъ мѣсто для проявленія человеческого достоинства и человеческой радости, зеть задача социализма“.

Во всѣхъ этихъ рѣчахъ есть одна ошибка: смѣшеніе націи и отечества, которые, какъ мы видѣли, далеко не совпадаютъ. Но важное пониманіе смысла націй, важно ея освѣщеніе съ социалистической точки зрѣнія.

На этомъ же Штутгартскомъ конгрессѣ былъ поднятъ вопросъ о допущеніи въ интернаціональ національно-социалистическихъ партій. По существу, казалось бы, вопросъ былъ ясенъ. Если партія опредѣленно социалистическая, если она стоитъ на классовой точкѣ зрѣнія, почему она не можетъ быть въ Интернаціональ? Но въ социальдемократіи такъ силенъ еще былъ первородный грѣхъ *смѣшенія націи и государства*, что она останавливалась въ недоумѣніи передъ „страннымъ“ желаніемъ социалистовъ объединиться по націямъ. Зачѣмъ еврейамъ устраивать какія-то особыя еврейскія партіи, когда во Франціи они могутъ войти во французскую с.-д. партію, въ Россіи — въ русскую и т. д.? И самъ Бебель, говорившій въ Штутгартскомъ конгрессѣ о націи, повидному, не ясно отличалъ ее отъ отечества, такъ какъ по адресу національно-социалистическихъ еврейскихъ и другихъ партій выражался скептически „*das riecht nach christlich-sozial*“ (это пахнетъ христіанскимъ социализмомъ). И онъ и В. Либкнехтъ выступали на Штутгартскомъ конгрессѣ противъ марксистской партіи социалистовъ-территориалистовъ (социалистовъ-сіонистовъ). Тѣмъ не менѣе борьба, которую велъ представитель с.-с. Бертольди, увѣнчалась успѣхомъ; с.-с. были приняты въ Интернаціональ, но — увы! — только для того, чтобы черезъ короткое время быть по мелкимъ формальнымъ

причислялъ снова из него исключенными. Главнымъ доводомъ противъ оставалась видгосударственность націи; считалось, что с.-с. могли бы войти въ Интернаціональ, только будучи какъ Вундъ частью русской социаль-демократической партіи. Такимъ образомъ пропали и остались въ Интернаціональ, какъ отряды партіи *соціалистовъ-революціонеровъ*—Дашнакцутюпъ, грузины-федералисты и еврейская социалистическая рабочая партія („Серпъ“ или „Сеймовца“).

Въ Россіи социаль-демократія чурилась всего національнаго, какъ худшаго грѣха. Понятіе націи смѣшивалось съ ея буржуазнымъ пониманіемъ, царела смутность и трафаретность терминологіи, національное отождествлялось съ шовинистическимъ. Бюрократическій централизмъ царилъ по отношенію къ социаль-демократическимъ партіямъ не-русскихъ націй Россійскаго государства. Такъ, большую борьбу пришлось вынести еврейскому Вунду, чтобы получить со стороны Р. С. Д. Р. П. право на самостоятельное существованіе и на веденіе выборовъ въ еврейской массѣ, а у него національный вопросъ былъ еще очерченъ, національная автономія была введена лишь впоследствии и требованія, въ концѣ концовъ, сводились къ тому, чтобы существовать, какъ севція на еврейскомъ языкѣ¹⁾. Такія же централистическія тенденціи обнаруживались по отношенію къ латышской с.-д. и другимъ.

Иное дѣло—партія социалистовъ-революціонеровъ. Программа ея съ самаго начала проникнута идеей децентрализаціи и гласитъ: „Возможно болѣе широкое примѣненіе *федеративныхъ* отношеній между отдѣльными національностями, призваніе за ними безусловнаго права на самоопредѣленіе“.

Конечно, эти короткія и общія слова нельзя назвать еще программой по національному вопросу; здѣсь нѣтъ ни одного конкретнаго указанія, ни одной детальной разработки и тѣмъ не менѣе, принципы федерализма и самоопредѣленія были здоровымъ зерномъ, изъ котораго могло развиваться дальѣйшее. По этому вопросу на первомъ съѣздѣ 1906 г. загорѣлись горячіе споры²⁾ и прежде всего по поводу „безусловнаго“ самоопредѣленія. Многие считали, что это пунктъ опасный, что это поведетъ къ ослабленію цѣлага, къ отторженію частей. Въ рѣчахъ этихъ ораторовъ звучитъ старый яacobинизмъ, необходимость

¹⁾ См. всѣ перипетіи борьбы въ брош. Гартляса „Кризисъ Вунда“ (изд. Кадима. Одесса 1907).

²⁾ См. „Протоколы перваго съѣзда“. Заграничн. изд. Ц. К. П. С.-Р., стр. 164.

„навязать всемъ народностямъ Россіи извѣстный минимумъ политическихъ правъ“, тогда какъ онѣ могутъ оказаться болѣе реакціонны, чѣмъ главная нація (Т. Рославлевъ). Возражавшіе указывали, что „каждая нація представляетъ своеобразную индивидуальность, полное и гармоничное развитіе каковой является основнымъ принципомъ нашей программы (Т. Поморцевъ), что „свобода самоопредѣленія національности, какъ приложение и развитіе свободы личности, рѣшительно отдѣляетъ социалиста отъ матеріализма и шовинизма всехъ отгѣнковъ“ (Т. Роцинь). Слѣдуетъ особенно отмѣтить рѣчь т. Шевича (Рубановича): „Поскольку національный вопросъ есть пережитокъ территоріальной, племенной или религіозной борьбы, поскольку онъ есть продуктъ борьбы привилегированныхъ классовъ за власть, онъ стоитъ внѣ сферы воздѣйствія социалистическихъ партій. Но, поскольку національный вопросъ есть борьба трудящихся массъ, подавленныхъ національностей за свое право автономной, самоопредѣляющейся, самостоятельной жизни, онъ требуетъ самаго внимательнаго отношенія со стороны всехъ социалистическихъ партій. Стремленіе организованныхъ трудящихся массъ представлять собою соответственныя національности не сопряжено съ опасностью созданія новыхъ формъ угнетенія, ибо происходитъ въ такой исторической обстановкѣ, гдѣ солидарность трудящихся массъ всехъ національностей, языковъ и нарѣчій есть основной органической принципъ. Въ тенденціи всѣ социалистическія націи составляютъ уже единый союзъ, единое рабочее человѣчество. Сила этого союза не только не исключаетъ, но требуетъ полного расцвѣта генія каждой отдѣльной единицы“.

Вопросъ о формахъ автономіи, о правахъ экстерриторіальныхъ націй на създѣ не поднимался. Только намекъ прозвучалъ въ рѣчи т. Сѣрова, обратившаго вниманіе създа на самоопредѣленіе не обладающей территоріей еврейской націи; раздались горячіе аплодисменты всего собранія, но выводы изъ нихъ не были сдѣланы.

Черезъ нѣкоторое время эти мотивы зазвучали громче. 16—20 апр. 1907 г. въ Финляндіи состоялась конференція по національному вопросу, въ которой принимали участіе П. С.-Р. и примыкающія къ ней въ идеологическомъ отношеніи—Польская Соц. Партія, Грузины-федералисты, Дашнакцутюнъ, еврейскій „Серпъ“ и Вѣлорусская громада. Отъ П. С.-Р. присутствовали тов. Черновъ, Натансонъ, Миноръ, Врешковская и Штернбергъ; социалистами-революціонерами были также доклады отъ „Серпа“, М. П. Ратнеръ, Житловскій и Раскинъ. Х. Житловскій освѣтилъ національность съ точки зрѣнія

соціалізма и интернаціоналізма, М. Б. Ратнеръ подробно развили теорію екстерриторіальной автономіи. Но вопросъ для П. С.-Р. былъ еще слишкомъ новъ. Резолюція о необходимости екстерриторіально-національныхъ союзовъ была принята всѣми организациями, *кроме С.-Р. и Р. Р. С.* (польскихъ социалистовъ); очень характерно, что именно наиболѣе *государственныя* націи труднѣе всего сходятъ съ ортодоксальной точки зрѣнія. Общая же резолюція, принятая всѣми, признавала только всю важность возмужденнаго вопроса и предлагала сдѣлать его *дискуссионнымъ*.

Послѣ этого наступили темные годы, когда замерла партійная жизнь и разработка идеологіи. Не подвинулась впередъ и дискуссія по національному вопросу. Но націи жили и развивались, все усложняясь, выдвигая все новыя и большія требованія и надежды...

Прошло десять лѣтъ. И въ новой Россіи, на своемъ III-емъ уже открытомъ, торжественномъ съѣздѣ П. С.-Р. приняла резолюцію, во всей широтѣ и полнотѣ захватывающую національный вопросъ.

Центръ тяжести теоретическаго введенія въ резолюцію — взаимно-отношеніе „*національнаго и интернаціональнаго*“, „неотдѣлимость общечеловѣческаго содержанія, культурнаго и политическаго развитія народовъ отъ національныхъ формъ его“. Национальность, какъ „могучій историческій рычагъ развитія по направленію къ междунаrodnымъ идеаламъ трудящихся“, и „свободное творчество національныхъ коллективностей какъ лучшая гарантія развитія *личнаго*“. Поставивъ такимъ образомъ націю въ тѣсную связь съ развитіемъ *человѣческой личности*, съ одной стороны, и съ *мировой культурой и интернаціональнымъ социализмомъ*, съ другой, резолюція подчеркиваетъ соотношеніе національнаго освобожденія и классовой борьбы, указывая на то, что національное неравноправіе, „существованіе великодержавныхъ націй, съ одной стороны, и угнетенныхъ и безправныхъ націй, съ другой, понижаетъ уровень тѣхъ и другихъ, сдѣлать разнъ между братскими классами разныхъ народовъ и, наоборотъ, создаетъ благодарную почву для идеологіи гражданскаго мира между враждебными классами одного и того же народа и тормозитъ этимъ развитіе классовой борьбы и нарастаніе революціонно-соціалистической энергіи трудовой демократіи“. Такимъ образомъ, въ сжатыхъ словахъ дано все то что составляетъ основу всѣхъ нашихъ разсужденій — законность и необходимость существованія націй по отношенію къ *личности, классу и міру*.

Въ практической своей части резолюція, исходя изъ идеи „*общества націй*“ въ организациі всего человѣчества и отдѣльнаго госу-

дарства, „высказывается въ принципѣ для Россіи за форму *федеративной демократической республики*; въ основу ея кладется *территориально-національная автономія, въ предѣлахъ этнографическаго разселаія народностей съ обезпеченіемъ основными законами страны правъ національных меньшинствъ въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, такъ и вообще публичныхъ правъ для всѣхъ языковъ, на которыхъ говорятъ трудящіяся массы въ Россіи*“.

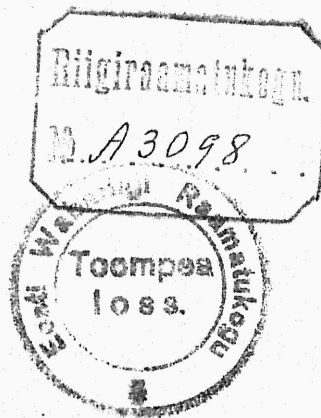
Но на ряду съ простымъ обезпеченіемъ правъ меньшинства, возможнымъ и при чисто территориальномъ построеніи государствъ, резолюція указываетъ на то, что *„націи безъ территории, какъ и національныя меньшинства областей со смѣшаннымъ населеніемъ могутъ быть соединены въ экстерриториальныя персонально-автономныя союзы со своими мѣстными общегосударственными представительными органами*“.

Такое построеніе даетъ полную возможность *всѣмъ* націямъ образовать помимо областей общегосударственныя національныя союзы, ибо нѣтъ ни одной націи въ російскомъ государствѣ, вплоть до великорусской, которая бы не имѣла своихъ національныхъ меньшинствъ въ смѣшанныхъ областяхъ, и не могла бы составить вмѣстѣ съ ними общегосударственный, а не только мѣстный національный союзъ. Это и есть путь къ той двойной системѣ учреждений—областныхъ и національныхъ, о которыхъ давно говорить и южно-славянская с. д. въ Австріи и еврейскіе „сернисты“ въ Россіи.

Далѣе резолюція подчеркиваетъ необходимость строительства жизни не только по государствамъ, но и по націямъ, внутри Россіи социалистическія силы должны объединяться путемъ *„созданія російскаго социалистическаго Интернаціонала на федеративныхъ началахъ*“.

И также „въ области конструирования *міроваго социалистическаго Интернаціонала*—партія признаетъ допустимымъ представительство социалистическихъ партій не только по государствамъ, но въ случаѣ надобности, и по *національностямъ, независимо отъ государственныхъ границъ*. Если выраженія по этому вопросу еще недостаточно опредѣлены и объясняются нѣкоторой практической трудностью привести на ближайшей же международной социалистической конференціи принципы народнаго представительства,—то тѣмъ не менѣе надо признать, что въ приведенныхъ словахъ резолюціи П. С.-Р. впервые и первая встала на путь юридическаго и международнаго признанія права націи, на ряду съ государствомъ.

Въ этомъ отношеніи резолюція III-го съѣзда является крупнымъ фактомъ. Партія социалистовъ-революціонеровъ, сильная великими завѣтами русскаго народничества, сильная развитіемъ критическаго социализма во всѣхъ областяхъ жизни—побѣдоносно продѣлала и въ національномъ вопросѣ тотъ путь критики и кристальнаго изученія жизни, на который она встала когда-то въ области аграрной. Национальность, какъ форма цѣлостной личности, какъ трудъ и творчество, какъ форма дѣятельности всей совокупности трудящагося народа, какъ достоиніе всего народа, его лучшее благо и высшая цѣнность, какъ цѣль социальной классовой борьбы за освобожденіе труда, за расцвѣтъ культуры массъ; национальность, какъ часть интернаціональной культуры солидарной, братской федераціи народовъ—вотъ то, что вытекаетъ для насъ изъ интегральнаго социализма, изъ великой цѣли общественной коопераціи богато-развитыхъ и разностороннихъ личностей, изъ всего того, за что всю жизнь боролся и что завѣщалъ новому поколѣнію русскихъ социалистовъ Николай Константиновичъ Михайловскій.

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Петроградская Издательская Комиссія. Галерная, 27.

1. Наша программа (популярное изложение)	10 к.
2. Программа и аграрный законопроектъ, внесенный во 2-ю Гос. Думу. . . . . (Распр.)	10 "
3. <i>Н. Выховский</i> . Для чего нуженъ С. Крест. Деп. (Распр.)	10 "
4. <i>Гардинъ</i> . Почему я социалистъ	15 "
5. <i>Лаврусевичъ</i> . Чего хотятъ друзья народа	30 "
6. Социалиста словили	10 "
7. <i>Новоторжскій</i> . Соціализація земли	15 "
8. <i>Е. Лазаревъ</i> . Какъ крестьянамъ дали волю	15 "
9. <i>Дикштейнъ</i> . Кто чѣмъ живетъ	15 "
10. Наша платформа къ выборамъ въ гор. Думы. (Распр.)	3 "
11. <i>И. Вихляевъ</i> . Какъ уравнивать пользованіе землей	15 "
12. <i>А. Шрейдеръ</i> . Царь-Голодъ	6 "
13. <i>В. Черновъ</i> . Война и третья сила. . . . . (Распр.)	50 "
14. <i>В. Черновъ</i> . Интернаціональ и война. . . . . (Распр.)	50 "
15. <i>Глыба</i> . Разговоръ солдатъ объ отреченіи царя	6 "
16. <i>В. Цвѣткова</i> . Какъ лучше распределить землю	6 "
17. <i>Н. Брюлова-Шаскольская</i> . Народности Россіи и ихъ треб.	6 "
18. <i>В. Черновъ</i> . Крестьянинъ и рабочій, какъ эконом. категории	50 "
19. <i>В. Коварскій</i> . Сокращ. рабоч. врем. и 8-ми час. рабочій день	25 "
20. <i>В. Коварскій</i> . Е. К. Брешковская съ автобіогр. бабушки русской револ.	50 "
21. <i>Ст. Слетовъ</i> . Къ исторіи возникнов. Партіи С.-Р.	— "
22. <i>В. Черновъ</i> . Сквозъ туманъ грядущаго	60 "
23. <i>А. Шрейдеръ</i> . О налогахъ	10 "
24. <i>Б. Корень</i> . Сущность ученія Соц.-Рев. (поп. изд.)	20 "
25. <i>В. Трутовскій</i> . О муниципальной программѣ	25 "
27. <i>И. Блочкинъ</i> . Земля и воля трудов. народу	15 "
28. Резолюція, принят. на 3-мъ съѣздѣ П. С.-Р. съ предисл. Ц.К.	12 "
29. <i>А. Вахъ</i> . Царь-Голодъ	40 "
31. <i>Діазъ</i> . Сказка о царѣ-недоумкѣ	30 "
38. <i>А. Лункевичъ</i> . Что такое Учред. Собр.	12 "
39. <i>В. Лункевичъ</i> . Каковы должны быть зем. пор. на Русіи	20 "
40. <i>В. Лункевичъ</i> . Вся власть — всему народу	20 "
43. <i>В. Черненко</i> . Основные законы о земляхъ	20 "
44. <i>В. Цвѣткова</i> . Поч. крест. не должны голос. за П. Н. С.	12 "
45. <i>Н. Е. Брюлова-Шаскольская</i> . П. С.-Р. и Нац. впр.	30 "
46. <i>В. Левинъ</i> . Фабр.-заводек. комит.	12 "
49. <i>Д. Раковъ</i> . Война и финансы	30 "

Печатается

26. <i>В. Черновъ</i> . Имперіалистическія мечты	25 "
30. <i>В. Цвѣткова</i> . Какъ производить выборы	8 "
32. <i>Глыбъ Свировъ</i> . Минимумъ заработной платы	8 "
33. <i>Шэфле</i> . Сущность социализма.	
34. <i>Викторъ Черновъ</i> . Земля и право.	
35. <i>М. Вишнякъ</i> . Личность въ правѣ.	
36. <i>Тунъ</i> . Исторія револуц. движ. въ Россіи съ прим. Л. Э. Шишко.	
37. <i>Д. Самойловъ</i> . Профессіональные союзы.	
41. <i>В. Лункевичъ</i> . Борцы за право и свободу.	
42. <i>В. Лункевичъ</i> . Право человѣка и гражданина.	
47. <i>В. Камковъ</i> . Истор.-фил. воззр. П. Л. Лаврова.	
48. <i>В. Черновъ</i> . Германская социаль-демократія.	
50. <i>И. Николаевъ</i> . Невидимыя податн.	
51. <i>В. Свидерскій</i> . Трудъ и капиталъ.	
52. <i>М. Гоцъ</i> . Система правды.	
53. <i>В. Черновъ</i> . Кооперация и социализмъ.	
54. <i>Николаевъ</i> . Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ.	